
ОГЛАВЛЕНИЕ

Улица Антоколскё (M. Antokolskio gatvė)	
Шесть чуд	7
Улица Арсенало (Arsenalo g.)	
И муравей	21
Улица Бернардину (Bernardinų g.)	
Какие сны	27
Улица Вильняус (Vilniaus g.)	
Оставайтесь с нами	42
Улица Жигиманту (Žygimantų g.)	
Сто рыб	55
Улица Зарасу (Zarasų g.)	
Фанты	72
Улица Майронё (Maironio g.)	
Трижды семь	85
Улица Одминю (Odminių g.)	
Сто сорок девять дворов	95
Улица Палангос (Palangos g.)	
Например, позавчера	108
Переулок Пасажо (Pasažo skg.)	
Черный Ветер	140
Улица Паупё (Paupio g.)	
Книжная лотерея	161

Улица Радвила (Radvilų g.)	
Трое в лодке, не считая Гери и Фреки	181
Улица Раугиклос (Raugyklos g.)	
Какого цвета ваши танцы	203
Улица Скапо (S. Skapo g.)	
Полный перечень примет и чудес улицы Скапо . . .	263
Улица Соду (Sodų g.)	
Самый страшный страх	288
Улица Стуокос-Гуцевичяус (L. Stuokos-Gucevičiaus g.)	
Красный, зеленый	306
Улица Тоторию (Totorių g.)	
Воздушный Цирк	327
Улица Университете (Universiteto g.)	
Между светом и тенью	348
Улица Филарету (Filaretų g.)	
Кекс	361
Улица Шопено (V Šopeno g.)	
Для тех, кого не видно	380
Улица Якшто (AJakšto g.)	
Драконов огонь	397

— Теперь будешь волшебник.
Целую секунду думал: «Где я? Кто я? Зачем?»
Потом сообразил, что для начала неплохо бы открыть глаза. И ответы на вопросы, возможно, появятся сами.

Ну, или не появятся.

Ответ на первый вопрос: в гостиной у Иоланты. На диване. Зашел, называется, проведать родню. И тут же заснул сидя, вот молодец.

Ай, ладно. Я после дежурства. Сестричка простит.

Ответ на второй вопрос: я — Томас. Доктор Томас — это я, такие дела. И хватит об этом.

Ответа на третий вопрос нет и не будет. По крайней мере, явно не сейчас.

— Я сделала волшебную палочку. И тебе дарю. Теперь будешь волшебник!

Племянница Элька забралась на колени, машет перед носом сухой веточкой, завернутой в малиновую фольгу от шоколада.

Переспросил:

— Это мне?

Элька серьезно кивнула.

— Ты в прошлый раз говорил маме, что ты не волшебник. И был такой грустный. А теперь будешь волшебник, потому что я сделала для тебя волшебную палочку на шесть чуд.

Элька с тех пор, как научилась считать, очень любит число шесть. Назначила его самым главным и самым сказочным числом в мире. Кто ее разберет почему.

Подумал: надо же. Дети — загадочный народ. Никогда заранее не знаешь, что из наших взрослых разговоров они услышат и запомнят. И как это поймут. И что из этого воспоследует. Но Элька-то у нас какая молодец. Подслушала разговор, выяснила, что дядя Томас не волшебник, и вместо того, чтобы навек разочароваться на радость своим будущим психоаналитикам, тут же придумала, как исправить ситуацию. Все бы так.

Сохраняя серьезность, поблагодарил племянницу, спрятав блестящую палочку во внутренний карман.

— Только не забудь, когда шесть раз поколдуешь, чуды закончатся, — предупредила Элька. — Ты не плачь тогда!

Пообещал:

— Не буду плакать. Шесть чудес — это очень много. Мне хватит.

От обеда наотрез отказался. Сказал сестре: «Ну его к черту, лучше просто свари мне кофе, от еды совсем развезет. А мне бы до ночи на ногах продержаться».

— Опять работать? — сочувственно спросила Иоланта.

— Упаси боже. Я бы сейчас наработал, пожалуй. Ко мне друг приехал, завтра утром опять умотает. Если

не погуляю с ним сегодня, все локти потом искусаю. Он редко до меня добирается.

— Самое время гулять, — вздохнула сестра. — Погодка что надо. Эх вы, счастливичики.

Погода, к слову сказать, была вполне ничего — для декабря. Минус два — не минус двенадцать. Небо затянуто облаками, но из них, хвала Небесной Канцелярии, ничего не сыпется и не льется. И ветер с реки просто зябкий, а не такой студёный, как обычно в эту пору.

Грех жаловаться.

* * *

— Я все продумал, — бодро сказал Томас. — Будем передвигаться короткими перебежками, от кофейни к кофейне. Мерзнуть и греться, мерзнуть и снова греться. И так — до упора, пока на ногах стоим. Правда здорово?

— *Из огня, стало быть, опять на лед. Похоже, что вы уготовили мне ад уже на земле**, — продекламировал Юл, ходячий сборник неопознаваемых цитат.

Выглядел он, впрочем, совершенно довольным.

Четыре часа, пять чашек кофе, три глинтвейна, флягу коньяку и полбутылки рому на двоих спустя, оба не чувствовали ни кончиков замерзших пальцев, ни земли под ногами, были невесомы, как лунные жители, возбуждены и громкоголосы, как вырвавшиеся из-под опеки подростки, на языках, как в старые времена, плясал веселый огонь — все равно, о чем говорить,

---

* Томас Манн «Доктор Фаустус», перевод с немецкого С. Апта и Наталии Ман.

какие слова бросать в эту ненасытную топку, лишь бы не умолкать, не успокаиваться, не останавливаться, не вспоминать об усталости, не поворачивать в сторону теплого дома — успеется, потом, не сейчас, *мы только разыгрались*.

Томас сам не знал, за каким лешим полез во внутренний карман — бумажник на улице был без надобности, а ничего иного за пазухой у него обычно не хранилось. Вытащил палочку, завернутую в малиновую фольгу, расплылся в улыбке:

— О! Гляди, что у меня есть. Элькин подарок. Волшебная палочка. Да не простая, а на целых шесть чуд.

— Полезная штука, — одобрил Юл. — Давай колдовать, раз так.

— Давай. Заказывай. Чего хочешь?

Они как раз свернули под арку, на Антоколскё, освещенную не фонарями, а несколькими бледными окнами. Летом здесь приходится пробираться бочком, потому что всю узкую непроезжую мостовую занимают столы, выставленные из кафе «Рене», а стулья то и дело норовят выбраться на тротуары. Но сейчас пусто, ни столов, ни прохожих, ни толстых дворовых котов, ни даже голубей. *Необъятный фростор и ничего священного**, мог бы продекламировать Юл, если бы не был так занят сочинением грядущих чудес.

— Хочу, чтобы в городе зацвел шиповник, — наконец объявил он. — Ну хотя бы только ближайший куст, —

---

* Ответ Бодхидхармы на вопрос императора Лян Уди о главной истине Учения.

и убедительно ткнул указующим перстом куда-то в темноту двора.

— А там точно есть шиповник? Никогда не замечал.

— Да точно, точно. Помню, как он цвел на этом самом месте в позапрошлом августе. Ты каких-то знакомых девиц в кафе заметил и побежал охмурять, а я от скуки занялся прикладной ботаникой. Все окрестные цветы перенюхал, тебя дожидаясь. Неужели не помнишь?

— Конечно, не помню. Но верю тебе на слово, — кивнул Томас и взмахнул Элькиной палочкой. — Пусть зацветет шиповник во дворе!

Ничего, конечно, не произошло. Впрочем, двор был такой темный, что поди проверь. И шли-то почти наугад, на ощупь. Если в подобных обстоятельствах вам вдруг приспичит вообразить, будто где-то неподалеку расцвел куст шиповника — на здоровье. Реальность в темноте становится смирной и сговорчивой, мнения своего проходим не навязывает и причудам их фантазии особо не препятствует.

— Надо бы теперь тепла наколдовать, — спохватился Томас. — Твоему шиповнику этот наш дурацкий минус совсем не понравится. Как думаешь?

— Ни в чем себе не отказывай. Чего ты меня спрашиваешь? Палочка-то у тебя.

— Палочка у меня, а чудеса — твои. Я же сам тебе предложил заказывать. А тут целое желание, получается, корыстно отбираю. Вопреки законам гостеприимства.

— Ничего, я тоже погреться не откажусь. Только смотри не переусердствуй. Не больше плюс десяти. Все-таки не апрель какой-нибудь на улице. А лютый теоретически декабрь. Совесть надо иметь.

— Ну да, чтобы братья-месяцы рыла нам не начистили за усердие, — ухмыльнулся Томас.

Снова взмахнул Элькиной палочкой, приказал:

— Пусть потеплеет до плюс десяти!

В глубине души, смешно сказать, надеялся: а вдруг получится? Оттепель сейчас не помешала бы. Хоть на пару часов. Очень уж замерз, а домой пока совершенно не хочется. Когда еще так погуляем.

Но теплее, конечно, не стало. Разве что совсем чуть-чуть. Нос, по крайней мере, мерзнуть перестал, и к рукам понемногу возвращалась чувствительность. Впрочем, это можно было списать на совокупное действие всех употребленных в ходе прогулки напитков. В какой-то момент они просто обязаны были сработать. Так почему бы не сейчас.

— А еще пусть в ваших краях немедленно заведется птица шухшнабель, — неожиданно потребовал Юл.

— Кто-кто пусть заведется?

— Птица шухшнабель. Она же королевская цапля. По-арабски абу-маркуб, отец башмака. По-русски китоглав. Никогда не видел? Неудивительно. Они только в болотах Африки водятся.

— Как тебя туда занесло?

— Не занесло. Я шухшнабеля в зоопарке встретил, кажется, в Цюрихе. Отличается от прочих птиц примерно как жираф от остальных млекопитающих. То есть натурально инопланетянин. Воооот такенный клюв, — Юл убедительно развел руки в стороны. — Как с такой конструкцией можно взлететь — неведомо. Однако летает, факт. Меня от его вольера силой уводили, любовь с первого взгляда. Поверь на слово, дружная стайка таких

птиц украсит любой город. А уж Вильнюс и подавно. Этому городу вообще все к лицу.

— Ладно, хорошо. Пусть у нас будет птица шухшнабель, — кивнул Томас.

И взмахнул Элькиной палочкой.

— Если уж возможна птица шухшнабель, значит, возможно вообще все, — решил Юл. — Поэтому четвертым пунктом у нас с тобой будет лестница в небо.

— Stairway to Heaven?

— Йес, сэп. Она же Лестница Иакова, мирадж Магомета, со следами Будды на нижней и верхней ступеньках. *Лестница с горных небес, по которой ангелы и духи поднимаются в течение дня продолжительностью в пятьдесят тысяч лет...* Впрочем, нет, это как-то слишком. В течение дня, и точка.

— Лестница в небо, договорились, — легко согласился Томас. — Стало быть, теперь небеса станут отворяться для нас на одну ночь в году?

— На самом деле лучше бы почаще. И не в какой-то конкретный день, а наугад, как получится. И всякий раз в новом месте. Непредсказуемо. Чтобы никто не мог подготовиться заранее. На небеса следует попадать внезапно, ошарашенным, счастливым и благодарным за такую удачу, иначе — нечестно.

— Ладно, как скажешь.

И, направив Элькину палочку строго вверх, объявил:

— Желаем, чтобы время от времени с неба в город спускалась лестница, и каждый, на чьем пути она окажется, мог бы воспользоваться такой оказией и добраться до каких-нибудь таких небес, где ему непременно понравится.

Замялся и поспешно добавил:

— Но и остальным пусть будет с этого прибыток. Пусть весь город продувает в такие дни небесным сквозняком, чтобы легче дышалось нам всем. Чтобы был в нашей жизни хоть какой-то смысл. Вернее, чтобы смысл, который и так есть, становился наконец очевиден.

— Годится, — одобрительно кивнул Юл. — Так гораздо лучше, чем просто лестница для отдельных праведников и прочих счастливицков. И при таком раскладе мне хотелось бы приезжать сюда почаще. Обидно было бы все пропустить. Это — заказ.

— Не вопрос, — улыбнулся Томас. И взмахнул палочкой: — Пусть Юл приезжает сюда почаще. Например... — и адресовал другу вопросительный взгляд.

— Ну, хотя бы пару раз в год, — вздохнул тот. — А еще лучше — раз в месяц. Хотя совершенно не представляю, как это организовать. На чудо одна надежда.

— Раз в месяц, — твердо сказал Томас. И еще раз взмахнул палочкой для закрепления успеха.

— Отлично, — Юл улыбался до ушей. — Будущее мое, таким образом, начинает становиться вполне лучезарным.

— И при этом у тебя осталось еще одно желание, — напомнил Томас.

— Оставь его себе. Заначь на черный день. Пусть будет. Мало ли чего тебе завтра в голову взбредет.

— Завтра ты уедешь. И настроение будет уже совсем не то.

— Вот именно поэтому, — кивнул Юл. И веско повторил: — Именно поэтому.

— Ладно, как скажешь. Тогда пойдем поищем какой-нибудь путевой бар. Потому что лично я замерз как цуцик. Какие-то хреновые плюс десять у нас с тобой получились.

— Ну уж, какие есть, все наши, — безмятежно ответствовал Юл.

Домой возвращались уже за полночь.

— Вот же черт! — внезапно выругался Юл возле самого подъезда.

— Кто тебя обидел, прелестное дитя?

— В лужу вляпался, — сердитой скороговоркой объяснил он. — Полечу завтра весь такой прекрасный в замызганных штанах, переодеться-то не во что. В твои я при всем желании не влезу.

— Где ты лужу-то нашел? Они уже недели две как замерзли.

— Когда они замерзли — это тебе виднее. Но в честь моего визита, как видишь, решили растаять. Чтобы оставить в моей жизни неизгладимый след. В смысле неисчищаемый.

— Смотри-ка, и правда все растаяло, — изумился Томас. — Ну надо же. Выходит, оттепель мы с тобой все-таки заколдовали. Такие молодцы. Слава нам!

— Всегда знал, что за колдовство полагается зловещее возмездие, — проворчал Юл. — Но не предполагал, что выйдет настолько досадно. Хоть плачь.

— Плакать нельзя, — вспомнил Томас. — Элька не велела.

— Тогда не буду. Маленьких девочек надо слушаться. Этот мир принадлежит им.